18+

АЛЕКСАНДР ЧАСТОВ

ЧУЖАЯ СМЕНА

Александр Частов

Чужая смена

«Издательские решения»

Частов А. А.

Чужая смена / А. А. Частов — «Издательские решения»,

Семь лет Андрей живёт под чужим именем, не подозревая об этом.
Но однажды заброшенный шестой путь железнодорожного депо возвращает его к аварии, которую все предпочли забыть. Там, где часы остановились на 03:17, его всё ещё ждут люди из прошлого. Чтобы спасти их, Андрей должен вернуть своё настоящее имя. Но какой ценой?

© Частов А. А.
© Издательские решения

Содержание

ЧУЖАЯ СМЕНА 6
Содержание 6
Об авторе 7
Глава 1. Обещание 8
Глава 2. Приём смены 11
Глава 3. Шестой путь 16
Глава 4. Люди из списка 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Чужая смена

Александр Андреевич Частов

© Александр Андреевич Частов, 2026

ISBN 978-5-0071-6456-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧУЖАЯ СМЕНА
Александр Частов
Роман

Содержание

Глава 1. Обещание
Глава 2. Приём смены
Глава 3. Шестой путь
Глава 4. Люди из списка
Глава 5. Фотография
Глава 6. Дочь погибшего
Глава 7. Чужие документы
Глава 8. Человек, который подтвердил
Глава 9. Последний звонок
Глава 10. Дом
Глава 11. По ту сторону
Глава 12. Первая попытка
Глава 13. Лавров
Глава 14. Чужая подпись
Глава 15. Настоящее имя
Глава 16. Смену сдал
Глава 17. После смены
Глава 18. Утро

Об авторе

Александр Частов — автор мистического детектива «Чужая смена».

В центре произведения — человеческие судьбы, память, ответственность за принятые решения и тонкая граница между привычной реальностью и необъяснимым.

«Чужая смена» объединяет атмосферу производственного детектива, мистическую загадку и семейную драму.

Глава 1. Обещание

Андрей проснулся за три минуты до будильника.

За окном шёл дождь. Вода стекала по стеклу косыми дорожками, и в каждой отражался жёлтый прямоугольник окна напротив. Из кухни доносился голос Ольги: она объясняла Ане, почему нельзя сначала рисовать на обоях, а потом спрашивать разрешения.

— Но там пусто было, — возражала дочь.

— Теперь там поезд.

— Красивый.

Андрей лежал неподвижно и слушал. В последнее время ему нравились эти несколько минут между сном и необходимостью вставать. Пока не звонил телефон, не требовали подписей, не спрашивали о прошлом. Пока он точно знал, кто он такой.

Дверь спальни приоткрылась. Аня протиснулась внутрь боком, пряча за спиной лист бумаги.

— Пап, ты уже не спишь?

— Теперь точно нет.

Она забралась на кровать, коленом придавила одеяло и развернула рисунок. Синий поезд занимал почти весь лист. Вагоны были разной длины, окна — квадратные, как в доме. В первом вагоне стоял человек с огромными руками.

— Это ты, — объяснила Аня. — Ты его чинишь.

— А почему я внутри?

— Потому что снаружи дождь.

Андрей улыбнулся. У последнего вагона он заметил маленькую чёрную фигурку. Она была нарисована совсем иначе: не цветным карандашом, а густо продавленным графитом.

— А это кто?

Аня пожала плечами.

— Не знаю. Он там стоял.

— Где?

— На картинке.

Она сказала это без загадочности, как говорят дети о вещах, которые взрослые зачем-то усложняют. Потом сложила лист пополам и потянулась к тумбочке за деревянным кубиком с потёртыми цифрами.

— Возьми. Это билет домой.

— А ты как без него?

— У меня ещё есть.

Кубик был от старой игры, в которой давно потерялись правила. Андрей положил его в карман домашней рубашки. Аня внимательно проследила, чтобы он не оставил билет на тумбочке.

— Ты сегодня опять ночью?

— Первая смена на новом месте.

— Значит, утром будешь?

— Буду.

— Разбудишь меня?

— Разбужу.

Она прищурилась, будто проверяла договор на скрытые условия.

— Только не обмани.

Из кухни позвала Ольга. Аня спрыгнула с кровати и убежала, оставив на простыне мокрый след от ладони: по дороге она успела потрогать запотевшее окно.

Андрей поднялся и подошёл к зеркалу. Сорок один год. Седина над висками, шрам возле брови, которого он не помнил молодым. В паспорте было написано: Виктор Сергеевич Лавров. На работе его звали Виктором, соседи — Витей, Ольга иногда — Витькой. Но в последние месяцы, особенно после снов о железных дверях и дыме, ему всё чаще казалось, что на это имя он оборачивается с опозданием.

Ольга поставила перед ним чашку кофе.

— Звонила женщина, — сказала она. — Пока ты спал.

— По работе?

— Спрашивала Виктора Лаврова. Я сказала, что ты дома. Она уточнила, сегодня ли у тебя первая ночная смена.

Ольга работала администратором в приёмном отделении больницы и умела различать обычную тревогу и тревогу, за которой прячут конкретный вопрос. Сейчас она смотрела на него так, будто пыталась понять, какой из них задать первой.

— И что ты ответила?

— Ничего. Спросила, кто звонит. Она назвалась Мариной Беловой.

Фамилия ничего ему не сказала. Но рука, державшая чашку, вдруг напряглась, и кофе качнулся у самого края.

— Ты её знаешь?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Ольга это услышала.

— Вить, ты ведь раньше там не работал?

— Нет. Мне сказали, что нужен человек на ночную смену. Участок старый, но оборудование знакомое.

— Я не про оборудование.

Она не продолжила. За годы брака они научились обходить одно место в разговоре: аварию, после которой он лежал в больнице без документов и без памяти о значительной части собственной жизни. Тогда Глебов, бывший начальник из депо, подтвердил его личность. Тогда Ольга впервые увидела его в палате — чужого мужчину, который не мог вспомнить, любил ли прежде чай с сахаром.

Теперь у них была дочь, квартира с облупившейся краской на батареях, общий кредит и привычка оставлять друг другу свет в прихожей. Всё это было настоящим. Именно поэтому Андрей боялся вопросов о том, что было раньше.

Телефон завибрировал на столе. Номер не определился.

— Виктор Сергеевич? — спросил женский голос.

— Слушаю.

— Вы сегодня заступаете в депо?

— Кто это?

— Марина Белова. Мне нужно знать, помните ли вы шестой ремонтный путь.

Андрей посмотрел на Ольгу. Та стояла у раковины, но воду не включала.

— Я никогда там не работал.

— Тогда почему вы вернулись?

Связь оборвалась.

Он ещё некоторое время держал телефон возле уха. В голове вспыхнуло короткое, не похожее на воспоминание ощущение: холодная металлическая ручка под ладонью, запах изоляции, голос молодого парня, который зовёт его по имени. Не Виктором.

— Что она хотела? — спросила Ольга.

— Ошиблась человеком.

Ольга поставила чашку в мойку осторожнее, чем требовалось.

— Не начинай новую работу с того, что мне приходится угадывать правду.

Он хотел возразить, но не нашёл слов. Пообещал позвонить после приёмки смены, проверил документы и вышел. У двери обнаружил в кармане кубик Ани. Переложил его в куртку.

Дождь не прекращался. На остановке люди прятались под навесом и смотрели на экран с расписанием. Андрей ехал через город почти час, мимо закрытых киосков и мокрых путепроводов. У проходной депо охранник взял его паспорт, долго сверял фотографию с лицом и наконец протянул временный пропуск.

— Лавров, значит, — произнёс он.

— Что-то не так?

— Нет. Просто фамилия знакомая.

Охранник хотел добавить что-то ещё, но передумал.

Андрей прошёл через турникет. На развилке коридоров он без колебаний свернул налево. Лишь спустя несколько шагов понял, что указатель на старый ремонтный корпус висел в другой стороне. Он никогда не был здесь — во всяком случае, не помнил этого. Однако знал, что за следующей дверью будет узкая лестница с выщербленной третьей ступенью.

Лестница оказалась именно такой.

В административном коридоре горел один ряд ламп. На стене, между пожарным планом и объявлением о проверке допусков, висели круглые часы. Андрей машинально взглянул на них.

03:17.

Он достал телефон. До полуночи оставалось ещё несколько минут.

Секундная стрелка настенных часов двигалась. Минутная стояла на месте.

За спиной хлопнула дверь. Андрей обернулся, но коридор был пуст. В кармане куртки деревянный кубик упёрся углом в ладонь. Он сжал его так крепко, что на коже остался отпечаток цифры.

Впереди, за двумя стенами и запертой противопожарной дверью, коротко ударил металл о металл.

Так стучат, когда знают, что с другой стороны кто-то есть.

Ольга знала его как Витю. Так было записано в документах, так его представили ей при знакомстве. Иногда, особенно когда он просыпался от тяжёлого сна, ей казалось, что на это имя он откликается с задержкой. Она ни разу не спросила почему: у каждого человека есть то, о чём он не хочет говорить. Теперь, провожая его на смену, она впервые пожалела о своей деликатности.

Глава 2. Приём смены

Сначала Андрей услышал шаги: неторопливые, тяжёлые, с короткой остановкой перед каждой ступенью. Он всё ещё смотрел на часы, словно стоило отвернуться — и они наконец покажут настоящее время.

— Лавров?

Мужчина у лестницы произнёс фамилию без вопросительной интонации, но Андрей всё равно не сразу обернулся.

— Я. Извините, часы здесь странные.

Мужчина посмотрел на стену. На нём была синяя куртка с потёртыми локтями, под мышкой — папка с пластиковыми уголками.

— Эти? Семь лет как врут. Батарейку меняли, механизм тоже. Сняли бы совсем, да после ремонта стены некрасиво останется.

Он протянул руку.

— Климов. Старший мастер. Вы на ночную?

— Да.

— Тогда за мной. До начала смены ещё есть время, а у нас половина участка в ремонте.

Климов шёл быстро, не оборачиваясь. Андрей поймал себя на том, что старается запомнить каждый поворот. На развилке у лестницы он заранее знал, куда свернёт старший мастер. От этого знания было неуютно.

Они прошли по коридору мимо закрытого буфета. На стекле висело объявление о собрании по охране труда, написанное ещё в прошлом месяце. Андрей заметил, что у Климова на правой руке отсутствует кончик мизинца. Не старое увечье, судя по тому, как тот придерживал папку: движение всё ещё оставалось осторожным.

— Пропуск вам выдали временный? — спросил Климов.

— На месяц.

— Дальше отдел кадров решит. Только на территорию он пускает, а не куда захочется. Здесь это разные вещи.

За дверью производственного корпуса пахло мокрым бетоном, тормозной пылью и чем-то сладковато-горячим — нагретой изоляцией. Вдоль путей тянулись смотровые канавы. Над ними висели кабели в защитных лотках, под потолком неподвижно стоял мостовой кран. В дальнем пролёте двое слесарей возились с тележкой, оттуда доносился дробный звон ключа о металл.

Андрей остановился.

Он знал этот запах.

Не просто узнавал, как узнают запах любой мастерской. Он знал, что за следующим рядом колонн пол будет уходить под уклон, что возле третьего щита когда-то лежал деревянный настил, а слева должна быть дверь с закрашенной цифрой шесть.

— Что-то не так? — спросил Климов.

— Нет. Смотрю.

— Осмотритесь. Но без самостоятельных прогулок. Пятый путь работает, шестой выведен из эксплуатации. Там реконструкция, подрядчик, старые конструкции. Допуска у вас нет.

За красной полосой на схеме оставался узкий белый прямоугольник, будто кто-то стёр часть маршрута. Андрей долго смотрел на него, пока Климов не кашлянул.

— Шестой?

Климов остановился.

— Я его только что назвал.

— Да. Простите.

Андрей не был уверен, что услышал номер впервые именно сейчас.

В мастерской у окна стоял мужчина в сером свитере, разбиравший на столе осветительный прибор. Климов представил его:

— Савин, электромеханик. Если начнёт мигать свет, сначала зовите его, а потом пугайтесь.

Савин поднял голову. На переносице у него осталось светлое пятно от защитных очков.

— Лучше вообще не пугаться. Свет здесь старше нас обоих, он имеет право на характер.

— На шестом тоже? — спросил Андрей.

Савин отложил отвёртку.

— На шестом ничего не должно гореть. Питание отключено, линии проверяли перед реконструкцией. Если увидите свет — сообщите Климову. Сами туда не лезьте.

Он сказал это без шутки. Андрей кивнул.

Климов провёл его в комнату мастеров. Два стола, шкаф для спецодежды, металлическая доска с магнитами. У двери — стенд с маршрутами обхода, где шестой путь был перечёркнут красной полосой. На столе лежали два журнала: новый, в твёрдой синей обложке, и тонкий журнал замечаний.

— Приёмка по действующему участку, — объяснил Климов. — Пятый путь, освещение, запоры, связь. Все замечания записываете. Чужие подписи не повторяете и за другого не расписываетесь.

Он открыл синюю книгу. В графах стояли дата, время, состояние оборудования, подпись сдающего и подпись принимающего.

— Здесь я сдаю. Здесь вы принимаете. После смены — наоборот. Пока обе стороны не расписались, передача по документам не завершена. Понятно?

— Понятно.

— Это не формальность. Был у нас случай…

Климов замолчал и посмотрел в сторону окна, выходившего на закрытый пролёт.

— Какой случай? — спросил Андрей.

— Давно. Сейчас к вашей работе отношения не имеет.

Он поставил подпись, развернул книгу к Андрею и подвинул ручку.

На верхней строке было напечатано: «Смену принял». Он прочёл эти два слова и почувствовал, как потяжелела рука. Обычная производственная запись, какую он делал десятки раз на других участках. И всё же здесь она выглядела как предупреждение.

У Андрея пересохло во рту.

Ему вдруг показалось, что рука уже держит другую ручку — дешёвую, с треснувшим прозрачным корпусом. Вокруг пахнет гарью, кто-то торопит его: «Пиши, потом разберёмся». И ещё один голос, молодой и хриплый, кричит издалека: «Андрюха!»

— Виктор Сергеевич?

Климов стоял рядом.

— Да. Сейчас.

Андрей подписал «Лавров В. С.». Чернила легли ровно. Ничего не произошло.

— Время поставьте, — напомнил Климов.

На часах над дверью было 23:58. Андрей вписал цифры и закрыл журнал.

В кармане куртки, оставленной на спинке стула, лежал кубик Ани. Он вдруг пожалел, что не оставил его дома.

В первый час Андрей старательно занимался делом. Проверил ведомость, уточнил номера отключённых линий, дважды связался с диспетчером. Он не любил незнакомые участки: на знакомом производстве опасность обычно имела звук, запах или цвет, а здесь пока не знал, чему верить.

После полуночи депо стало другим. Дневные голоса исчезли, шум инструментов редел. В огромном корпусе отдельные звуки разносились далеко: кашель у дальнего стола, скрежет ворот, щелчок выключателя. Дождь стучал по высоким окнам, и иногда казалось, что кто-то идёт по крыше.

Климов остался на соседнем участке до окончания проверки, затем передал Андрею служебный телефон.

— Связь с диспетчером по второй кнопке. С Савиным — по третьей. По шестому пути только доклад, никаких действий. Договорились?

— Договорились.

— И ещё. Если здесь кто-то назовётся человеком из старой смены, не принимайте решений на месте. Звоните мне.

Андрей поднял взгляд.

— Что значит «из старой смены»?

— Значит, сначала звоните.

Климов ушёл, не объяснив.

В 01:40 Савин принёс ведомость освещения. Они вместе прошли вдоль пятого пути, проверяя лампы над смотровой канавой. В одном месте с потолка капала вода, и Савин поставил под течь красное ведро.

— Вы давно здесь? — спросил Андрей.

— Четвёртый год. А вы раньше в каком депо работали?

Андрей назвал последнее место работы. Савин одобрительно кивнул.

— Там новые боксы. Здесь всё на старых привычках держится.

— А до вас кто шестой обслуживал?

— Не знаю. Я сюда после аварии пришёл.

Слово повисло между ними. Андрей сделал вид, что проверяет лампу.

— Что за авария?

Савин посмотрел на него с недоверием.

— Вам при приёме не рассказывали?

— Общими словами.

— Тогда и я общими. Погибли люди. Часть так и не нашли. Теперь всё переделывают, но старое железо ещё стоит. Лучше не спрашивайте ночью о шестом пути.

Когда Савин ушёл, Андрей снова посмотрел на схему. Шестой путь был отделён от рабочего участка толстой стеной, но на старом плане имелся проход через противопожарную дверь. На нынешней схеме этот проход закрасили. Он не стал спрашивать почему.

В 02:19 диспетчер сообщил, что датчик двери в закрытом пролёте на несколько секунд изменил состояние. Питание датчика, по схеме, должно было быть снято. Савин проверил журнал отключений и сказал по телефону:

— Это наведённый сигнал или неисправность. На месте ничего не включать. Утром разберёмся.

Андрей записал сообщение в журнал замечаний. В 02:26 он услышал, как открылась дверь комнаты мастеров.

На пороге стоял пожилой мужчина в рабочей куртке старого образца. Куртка была чистой, но на левом рукаве темнело круглое пятно, будто от масла. Мужчина держал под мышкой тонкую тетрадь.

— Вы кто? — спросил Андрей.

— Савельев. Пётр Ильич.

Голос у него был негромкий, сухой. Он не выглядел удивлённым тем, что встретил незнакомого человека за столом мастера.

— Вы здесь работаете?

— Работал.

Андрей поднялся.

— Как вы прошли? На закрытый участок посторонним нельзя.

Савельев посмотрел на синюю книгу на столе.

— Опять журнал новый.

— Ваш пропуск, пожалуйста.

— У меня нет пропуска.

Андрей потянулся к служебному телефону. Старик не сделал ни шага к нему и не попытался уйти.

Старик говорил так, словно Андрей уже однажды совершил именно эту ошибку. В его голосе не было угрозы. От этого становилось хуже.

— Вы только не перепутайте книги, — сказал он. — Ту, что сейчас, и ту, что тогда.

— Что «тогда»?

— Смену не завершили. Шестой путь.

Савельев положил тетрадь на край стола. Андрей увидел на обложке карандашную надпись: «ШЕСТОЙ ПУТЬ». Ниже, мелко и неровно: «ПЕРЕДАЧУ НЕ ЗАВЕРШИЛИ».

— Подождите.

Андрей поднял глаза, но в дверном проёме уже никого не было.

Он выбежал в коридор. До лестницы было двадцать метров; за такое время старик не мог уйти незаметно. Лампы горели ровно, на мокром полу не осталось следов. Только где-то далеко ударил металлический лист.

Андрей позвонил Климову.

— Здесь был Савельев. Пётр Ильич. Сказал, что работал на шестом.

На другом конце линии долго молчали.

— Где он сейчас?

— Ушёл. Я не видел куда.

— Вы уверены в фамилии?

— Он сам назвался. Оставил тетрадь.

— Ничего не трогайте. Я выезжаю, но сперва вызову дежурного и проверю, что показывают камеры. До моего приезда к шестому не ходите.

— Что происходит?

— Не выходите к шестому пути, Лавров. Слышите меня?

— Слышу.

Климов отключился.

Он запер дверь комнаты мастеров, хотя понимал бессмысленность этого движения. Климов сказал ничего не трогать. Но тетрадь была единственным доказательством, что незнакомец ему не привиделся.

Андрей вернулся в комнату. Тетрадь лежала на столе, возле синего журнала. Он открыл её. На первой странице были номера инструментов, отметки о неисправных тормозных шлангах и фамилии, написанные несколькими почерками. Дальше шли вырванные листы. Последняя сохранившаяся запись была сделана карандашом так сильно, что буквы продавили бумагу:

«03:17. Не открывать без того, кто принял».

Андрей прочёл фразу дважды. В коридоре щёлкнуло реле. Затем снова.

На настенных часах комнаты мастеров было 02:31.

Из-за стены, со стороны отключённого шестого пути, донёсся короткий стук. Три удара, пауза, ещё два.

Точно так же стучал когда-то его младший брат, когда они в детстве договорились не будить родителей и разговаривали через стену.

Андрей не помнил, откуда знает этот стук.

Но рука уже потянулась к двери.

Глава 3. Шестой путь

Стук повторился через несколько секунд.

Три коротких удара, пауза, два быстрых. Андрей стоял посреди комнаты мастеров и смотрел на дверь, хотя звук пришёл не оттуда. Он шёл из стены за шкафом с журналами — глухой, словно кто-то стучал костяшками пальцев по дереву с другой стороны бетонной перегородки.

В детстве они с Серёгой придумали этот сигнал, чтобы мать не слышала, как младший зовёт старшего ночью. Андрей не помнил ни комнаты, ни дома, ни даже лица того, с кем договаривался. Но последовательность ударов узнал раньше, чем успел её сосчитать.

Он подошёл к шкафу. На верхней полке лежали папки с актами осмотра, ниже — старые ключи в жестяной коробке. Андрей прижал ладонь к стене. Бетон был холодным и сухим.

— Кто здесь? — спросил он.

В ответ что-то скрипнуло. Затем наступила тишина.

На столе лежала тетрадь, оставленная Савельевым. Андрей вернулся к ней и снова открыл последнюю страницу: «03:17. Не открывать без того, кто принял».

Под надписью бумага была продавлена ещё несколькими строками, словно их вырвали вместе с верхним листом. Он поднёс тетрадь к лампе, но разобрал только одно слово: «сдал».

В комнате щёлкнул телефон внутренней связи.

— Лавров, — отозвался Андрей.

— Это Савин. У вас там всё нормально?

— Почему спрашиваешь?

— По закрытому участку опять сигнал. Дверь показывает «открыто», потом «закрыто». Я питание с линии снял, а датчик всё равно отвечает.

— Где именно эта дверь?

Савин помолчал.

— Вы же видели схему. Проход в старый бокс. Только не ходите туда один. Я сейчас подойду.

Андрей посмотрел на часы над столом. Было 02:34.

— Сначала скажи, кто такой Савельев.

— Кто?

— Пётр Ильич. Работал здесь раньше.

— Не знаю такого. Климов, может, знает.

— Понятно, — сказал Андрей и положил трубку.

Он мог дождаться Савина. Мог позвонить Климову и рассказать о старике, который вошёл в запертую комнату, оставил тетрадь и исчез. Андрей даже представил этот разговор — сначала долгую паузу, потом приказ не выходить из кабинета до утра. В лучшем случае его сочтут переутомившимся. В худшем начнут спрашивать о медицинской справке и о том, что случилось с ним семь лет назад.

Он надел куртку и взял фонарь.

В коридоре горели только дежурные лампы. Возле лестницы на полу лежала узкая полоска воды: кто-то прошёл здесь в мокрой обуви. Следы тянулись к боковому выходу, хотя за последний час Андрей никого не встречал. Он нагнулся. Отпечаток подошвы был старого рисунка, с широким квадратным каблуком.

За дверью корпуса тянуло промозглым воздухом. Дождь не прекратился, но теперь он был мелким, почти невидимым. На соседних путях стояли современные вагоны с жёлтыми табличками ремонта. Вдали работал компрессор. Обычные звуки ночного депо удерживали мир на месте.

Андрей дошёл до красно-белого ограждения. За ним начиналась тёмная часть здания. Табличка предупреждала: «Проход запрещён. Аварийный участок». Цепь на калитке была заперта, однако рядом оставили узкую служебную дверцу. Её петли заржавели, а на ручке блестела свежая царапина.

Он остановился.

Служебная дверца не должна была вести в старый бокс. По схеме за ней был короткий коридор, заканчивавшийся противопожарной перегородкой. Андрей помнил это из инструктажа. Но за дверью, как ему казалось, должен был стоять зелёный шкаф. За шкафом — смотровая канава. Дальше — вагон, у которого сняли боковую панель.

Откуда он это знал, Андрей объяснить не мог.

Он потянул ручку. Дверь не поддалась. Тогда приподнял её, преодолевая перекос, и почувствовал, как замок неожиданно освободился.

Изнутри пахнуло горячим железом.

Андрей посветил фонарём. Перед ним был не короткий коридор, а большой ремонтный бокс. У дальней стены действительно стоял зелёный шкаф. Вдоль рельсов уходила смотровая канава, а над ней возвышался старый пассажирский вагон с открытым технологическим люком.

Здесь горел свет.

Неяркие лампы под потолком освещали рабочие столы, тележку с инструментами и людей в тёмных спецовках. Один мужчина держал разводной ключ, другой сидел на корточках возле колёсной пары. Они не выглядели призраками. На полу были масляные пятна, кто-то ругался из-за сорванной гайки, у верстака стояла чашка с недопитым чаем.

Но чай не парил. А дым от сигареты в пальцах человека возле ворот висел неподвижной серой нитью.

— Эй! — крикнул Андрей.

Мужчина с ключом обернулся. На секунду в его лице мелькнуло облегчение, затем он отвёл глаза.

Из-за вагона вышел Савельев.

На нём была та же выцветшая куртка, что и в комнате мастеров. Только теперь рукав до локтя испачкался чем-то тёмным.

— Я предупреждал, — сказал он.

— Вы как сюда попали?

— Я отсюда не выходил.

— Вы были у меня в кабинете.

— Был. Это разные вещи.

Андрей оглянулся на дверь. Она оставалась открытой. За порогом виднелся знакомый тёмный коридор, и на мгновение он успокоился.

— Здесь закрытый участок, — сказал он. — Работы запрещены. Кто старший?

— Смотря какую смену спрашиваете, — ответил Савельев.

Андрей достал телефон. Экран показывал 03:17.

Он нахмурился. Минуту назад, когда выходил из корпуса, было 02:34. Он не мог идти сюда сорок три минуты. В верхнем углу экрана значок связи исчез, хотя заряд батареи оставался почти полным.

— Что у вас со временем?

— Оно у нас одно, — сказал Савельев. — И никак не кончится.

В глубине бокса раздался металлический удар. Андрей вздрогнул. Мужчина возле колёсной пары резко поднялся, будто удар означал начало знакомой беды.

— Опять? — спросил он.

— Нет, — ответил Савельев. — Пока нет.

На стене рядом с верстаком висела доска смены. Мелом были написаны фамилии: Савельев, Ефремов, Костин, Морозов С. Несколько строк ниже виднелось имя Лаврова. Последняя буква расплылась от влаги.

Андрей подошёл ближе.

— Морозов, — прочитал он. — Сергей Морозов.

Собственная фамилия прозвучала странно. Будто слово было знакомым, но принадлежало другому языку.

— Ты всё-таки пришёл.

Голос раздался слева, из-за открытого люка вагона.

Перед Андреем стоял молодой мужчина в рабочей куртке. На лбу у него была свежая ссадина. Он был бледен, и пальцы его правой руки мелко дрожали. Молодой человек смотрел на Андрея с такой уверенностью, что тот невольно сделал шаг назад.

— Мы знакомы? — спросил Андрей.

Тот не ответил сразу.

— Ты не помнишь.

— Назови себя.

— Сергей.

— Какой Сергей?

Молодой человек судорожно усмехнулся.

— Морозов. Твой брат.

Андрей почувствовал раздражение — почти облегчение от того, что наконец нашёлся простой ответ: кто-то разыгрывает его, зная о провалах памяти. Но лицо Сергея мешало этому объяснению. Те же тёмные глаза, что он иногда видел в зеркале. Та же привычка поджимать губу, прежде чем сказать неприятное.

— У меня нет брата.

Сергей опустил голову. Некоторое время он рассматривал свои руки.

— Я думал, ты не приходишь, потому что не можешь, — сказал он. — А ты даже не знаешь, кого искать.

Андрей хотел возразить, но вместо слов увидел короткую картину: летний двор, велосипед с вывернутым рулём и мальчишка, который сидит на бордюре, пряча разбитое колено. Кто-то рядом произносит: «Не говори маме. Я сам починю».

Картина исчезла так быстро, что Андрей схватился за край верстака.

— Что это было?

— Что вспомнил?

— Велосипед.

Сергей поднял голову.

— Красный? С кривым рулём?

Андрей молчал.

— Я его у соседей взял. Ты сказал, что я не умею тормозить.

Из дальнего конца бокса донёсся властный голос:

— Морозов! Отойди от двери.

Сергей побледнел ещё сильнее.

— Не слушай его, — быстро сказал он Андрею. — И ничего здесь не подписывай.

— Кто это?

— Лавров.

Андрей машинально повернулся на собственную фамилию.

Из тени за вагоном вышел широкоплечий мужчина в форме мастера. Его лицо было чужим, но на нагрудном кармане висела табличка: «В. С. Лавров».

Андрей посмотрел на табличку, затем на мужчину.

— Это ошибка, — сказал он.

— Ошибка была семь лет назад, — ответил тот. — А сейчас вы мешаете работать.

Сергей встал между ними.

— Уходи, Андрюх. Пока можешь.

— Я не уйду, пока не пойму…

— Потом! — Сергей схватил его за рукав. — Ты уже один раз поверил ему. Не делай этого снова.

Вагон за их спинами дрогнул.

Сначала Андрей решил, что ему показалось. Потом в канаве звякнул инструмент, а с верстака упал болт. Где-то под полом медленно заработал механизм, хотя никто не включал питание. Человек возле колёсной пары бросился к стене.

— На выход! — крикнул Савельев.

Сергей толкнул Андрея к двери. Тот успел увидеть, как Лавров потянулся к лежащему на столе толстому журналу с потемневшей обложкой. На раскрытой странице были две графы. Одну Андрей успел прочитать: «Смену принял».

— Серёжа! — вырвалось у него.

Молодой человек остановился. На мгновение они оказались совсем близко.

— Я вернусь, — сказал Андрей.

Сергей посмотрел на него так, словно уже слышал эти слова.

— Тогда сначала вспомни, зачем приезжал.

Андрей шагнул за порог.

Дверь захлопнулась сама собой, но не громко — обычным тяжёлым щелчком замка. Он дёрнул ручку. Она не двигалась. Под ладонью была холодная, шершавая от ржавчины сталь. Изнутри не доносилось ни голосов, ни ударов, ни гула вагона.

Телефон ожил в руке. На экране было 03:29. Сеть появилась сразу, вместе с двумя сообщениями от Ольги.

«Ты на месте?»

«Ответь, когда сможешь».

Андрей набрал: «На месте. Всё нормально». Посмотрел на написанное и стёр последние два слова.

Он не отправил сообщение.

На стене рядом с дверью висела старая табличка с номером пути. Андрей посветил на неё. Под шестёркой проступали царапины, похожие на следы от гвоздя. Он наклонился и увидел надпись, сделанную чем-то острым:

«НЕ БРОСАЙ МЕНЯ НА ПОСЛЕДНЕЙ ОСТАНОВКЕ».

Он прочитал её дважды.

Где-то в глубине памяти мальчишеский голос сказал: «Только ты меня не бросай». А другой, старший, ответил: «Не брошу».

Андрей отступил от двери.

За стеной было тихо. Но теперь он знал: там кто-то ждёт его уже семь лет.

Глава 4. Люди из списка

В четыре утра Андрей пожалел, что в депо есть окна.

За ними продолжался дождь. По стеклу ползли косые полосы воды, а на освещённой площадке между корпусами стояли вагоны, неподвижные и вполне настоящие. Никакой старой смены, никакого Сергея. Только мокрый асфальт, свет фонарей и погрузчик, который медленно пересёк двор.

Андрей сидел в комнате мастеров и держал телефон так крепко, что побелели пальцы. На экране всё ещё было сообщение Ольги: «Ответь, когда сможешь».

Он набрал: «Я на работе. Скоро освобожусь» — и отправил сообщение.

Ответ пришёл почти сразу.

«Аня просыпалась. Спросила, вернёшься ли ты».

Он написал: «Вернусь», но отправить не смог. Вчера вечером он произнёс это слово легко. Теперь знал, как долго иногда приходится ждать человека, который обещал вернуться.

Он убрал телефон и открыл журнал действующего участка. В строке приёма смены стояла его подпись: «Лавров В. С.». Обычная запись, синяя паста, рядом время и фамилия сдававшего мастера. Ничего не изменилось. Андрей провёл пальцем по бумаге, вспомнив толстую книгу в старом боксе. Там тоже были две графы. В одной — «Смену принял». Вторую он не успел прочитать до конца.

Из коридора донеслись шаги.

— Я вам звонил, — сказал Савин, появляясь в дверях. — Два раза.

— Был на обходе.

Савин посмотрел на его мокрую куртку, на грязь на ботинках.

— На каком?

Андрей не ответил.

Электромеханик поставил на стол переносной прибор и открыл крышку.

— По шестому пути датчик перестал отвечать. Вообще. Я проверил питание на щите. Линия обесточена, как и должна быть. Не знаю, откуда взялись сигналы.

— А если там кто-то работал?

Савин поднял глаза.

— Где?

— За противопожарной дверью.

— Там нет действующего бокса. После аварии всё отключили, проход заложили. Я сам в прошлом месяце сверял кабельную схему.

Андрей вспомнил открытый люк вагона, чашку у верстака, Савельева с грязным рукавом.

— Вы сами туда заходили?

— На шестой путь? Нет. По документам доступ закрыт. А что?

— Ничего. Хотел понять, откуда датчик.

Савин закрыл прибор. Ему явно не понравился ответ, но расспрашивать он не стал.

— Климову сообщу. Пусть решает, вызывать ли людей на обследование.

Когда электромеханик ушёл, Андрей вытащил из кармана тетрадь Савельева. Обложка размокла по краям. Он проверил последнюю страницу: «03:17. Не открывать без того, кто принял».

Тетрадь оставалась у него. Значит, хотя бы одну вещь из этой ночи можно было показать другому человеку.

Он положил её в ящик стола, запер ящик и тут же открыл снова. Не доверял собственным глазам. Тетрадь лежала на месте.

***

Климов приехал незадолго до шести. После звонка он поднял дежурного, запросил записи камер и задержался у проходной, пока охрана оформляла доступ в закрытый корпус. Он вошёл без приветствия, снял мокрую кепку и положил на стол распечатку.

— Объясните мне, Лавров, почему у вас в журнале обходов отметка о шестом пути.

Андрей посмотрел на лист. Там действительно стояло время 02:41 и короткая запись о проверке сигнала. Он помнил, что записывал только номер датчика.

— Я ходил до ограждения.

— Камера показывает, что вы ушли за него.

— Камера работает?

— На основном коридоре. Дальше изображения нет. И вы знаете, почему.

Андрей молчал.

Климов сел напротив. От его привычной сухости не осталось и следа:

— Я не знаю, что вам рассказали о старом корпусе. И не собираюсь обсуждать слухи. Семь лет назад там погибли люди. После этого доступ закрыли. Если хотите работать здесь, не пытайтесь проверять всё на себе.

— А с рукой что? — спросил Андрей, заметив, как Климов бережёт мизинец. Климов спрятал ладонь под стол.

— Старая производственная травма, — сказал он. — Не на шестом пути. И не повод рассказывать вам больше, чем я видел сам.

— Кто такой Пётр Ильич Савельев?

Климов медленно поднял голову.

— Откуда фамилия?

— Слышал.

— От кого?

— Скажите сначала, он работал здесь?

— Работал. До аварии.

— И что с ним стало?

— Числится погибшим.

Андрей почувствовал, как внутри что-то сжалось.

— Вы уверены?

— Я не присутствовал на опознании. Есть акт, есть приказ. Вам зачем?

Андрей выдвинул ящик и достал тетрадь. Положил перед Климовым.

Старший мастер не взял её в руки. Прочитал название на обложке: «ШЕСТОЙ ПУТЬ». Затем посмотрел на Андрея.

— Где нашли?

— Мне передали.

— Кто?

— Человек, назвавшийся Савельевым.

Климов провёл ладонью по лицу.

— Лавров, послушайте. Если кто-то решил вас напугать, это уже не смешно. Но я не стану разбираться с этим на производстве. Оставьте тетрадь и идите домой. Я оформлю служебную записку о нарушении доступа.

— А если я скажу, что видел там людей?

— Скажу, что вы не спали всю ночь и зашли туда, куда не имели права заходить.

Климов встал. На пороге задержался.

— Вы ведь утверждали, что раньше в этом депо не работали?

— Не работал.

— Тогда откуда знаете шестой путь?

Андрей не нашёл ответа.

***

Утренний город оказался слишком шумным. Автобусы шипели на остановках, люди бежали под зонтами, у пекарни разгружали хлеб. Андрей сидел в машине напротив депо и смотрел, как рабочие новой смены проходят через турникет. Для них наступило обычное утро.

Он не поехал домой.

На телефоне открыл поисковую строку и ввёл название депо вместе со словом «авария». Сначала появились старые сообщения о пожаре и остановке движения. Затем — короткая заметка с фотографией обгоревшего вагона. Под снимком стояла дата семилетней давности.

«Несанкционированное перемещение неисправного состава».

Андрей прочитал фразу несколько раз. В публикации говорилось о погибших и пропавших без вести, о нарушениях порядка производства работ, о проверке, результаты которой обещали обнародовать позже.

Он открыл следующую страницу. Список фамилий был неполным, но одна строка заставила его задержать дыхание:

«Савельев Пётр Ильич — погиб (по предварительным данным)».

Ниже значилось:

«Морозов Сергей — пропал без вести».

Возраст: двадцать два года.

Андрей увеличил фотографию, приложенную к заметке. Молодой мужчина стоял возле вагона, чуть щурясь от солнца. На нём была рабочая куртка, в руке — гаечный ключ. Тот же лоб, те же глаза, что у человека, назвавшего себя его братом.

Он перевёл взгляд на фамилию.

Морозов.

Не Лавров.

Внутри вспыхнуло короткое воспоминание: мальчишка бежит через двор и кричит: «Андрюх, подожди!» Андрей увидел не лицо, а движение — худые плечи, развязанный шнурок, прыжок через лужу. От воспоминания заболела голова.

Он закрыл глаза. В ушах ещё стоял голос Сергея: «Ты даже не знаешь, кого искать».

Через несколько минут Андрей нашёл архивную копию списка работников смены. Там были Савельев, Ефремов, Костин и Сергей Морозов. Имя мастера, ответственного за перемещение состава, в доступной версии было закрыто чёрной полосой. В соседнем абзаце говорилось о распоряжении ответственного мастера, но без фамилии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.